

Кашеев Н.

«СКРИПАЧ Е – 771»

С ТЕХ ПОР, как пресса перестала быть партийной, журналисты описали много драматических судеб, о которых прежде упоминать не полагалось. «Плохие» анкеты "социально чуждых элементов» из каиновых печатей обернулись такими биографиями, что их простой пересказ невольно увлекает случайного слушателя. Пожилой человек с 58-й статьей за плечами («контрреволюция»), считающий себя счастливым только потому, что выжил в лагере, - частый персонаж сегодняшней периодики. Но какой бы выигрышной ни была тема, она становится банальной, если изъезжена вдоль и поперек. Казалось, так скоро произойдет даже с эпопеей Большого террора, от которого семь десятилетий кряду коченели подданные «империи зла». Но не тут-то было. Интерес к прошлому прямо пропорционален его воздействию на настоящее. И пока действуют старые табу, пока не изжиты предубеждения против людей, жизнь которых не укладывается в хрестоматийные представления, разговор о народной трагедии будет продолжаться.

ДО СИХ ПОР о некоторых узниках ГУЛАГа говорить не принято, словно их не существовало вовсе. Это наши соотечественники, которые попали в оккупацию и были арестованы по стандартному обвинению в измене Родине. Массу людей, недолго разбираясь, зачислили в полицаи, и некому было вникать в тонкости обвинений и оправданий.

САМ ФАКТ жизни под властью фашистов считался преступлением и делал бессмысленными любые поиски справедливости. И вот, наконец, мы набрали воздух в легкие, чтобы вслух вспомнить о тех, кто живет рядом и до сих пор хранил молчание о пережитых годах страданий и унижений. Томичу Алексею Петровичу Гуткевичу выпала необыкновенная судьба. Родился он в 1917 году в Томске, куда во время первой мировой войны были эвакуированы его родители, постоянно жившие на окраине Российской империи, в городе Белостоке. После того, как в 1921 году Польша, Россия и страны Прибалтики заключили Рижский договор, одна ветвь рода Гуткевичей возвратилась к покинутому семейному очагу. Хотя Белосток отошел к Польше, для Алексея и его близких это был родной город. Родители мальчика не были поляками, но долгое время жили в Польше и сроднились с этой землей и людьми, на ней живущими.

ОТЕЦ сначала работал учителем пения, потом стал дьяконом в православной церкви. Кроме Алексея, в семье росли три сына и три дочери. Ближайшие русские школы находились в Бресте и Вильно, и родителям оказалось по средствам послать в Вильненскую русскую гимназию только одну дочь. Потом эта молодая женщина, ставшая женой православного священника, будет расстреляна гитлеровцами вместе со своим мужем и тремя малолетними детьми за то, что они приютили на ночь человека, так и оставшегося для них неизвестным. Впрочем, не будем больше забегать вперед. Алексей Гуткевич кончил польскую гимназию и параллельно получил музыкальное образование в учебном заведении, по уровню превосходившем наши музучилища, но уступавшем консерваториям. Уже в 11-12-летнем возрасте незаурядный ученик играл первую скрипку в симфоническом оркестре. Одна из его сестер стала хорошей пианисткой, и дети выступали на концертах вместе. Юному дарованию открывалась дорога в большое искусство. В городском студенческом оркестре Варшавы русский юноша стал концертмейстером, хотя там играли и учащиеся Варшавской консерватории. По его скрипке настраивали инструменты все остальные оркестранты.

КОГДА Красная Армия вошла в Польшу, с классикой бывший студент факультета православной теологии Варшавского университета простился. В 1940 –м он стал одним из руководителей ансамбля песни и пляски «Шарма» и в этом качестве встретил начало Великой Отечественной войны. Однажды во время гастрольных разъездов музыкант отстал от ансамбля и попал к немцам, устроившим для Красной Армии грандиозный «мешок» в районе Белостока-Барановичей.

ЖИЗНЬ пришлось продолжить с красной строки. Многие годы советская пропаганда внушала, что в подобной ситуации всякий честный гражданин СССР имел перед собой только один путь: в лес к партизанам. Теперь, когда здраво мыслить не запрещается, можно порассуждать о том, могло ли все местное население податься в лес, чтобы сражаться с захватчиками. Отрешимся от пропагандистской мифологии и спросим себя: как в этой обстановке мог повести себя обычный нормальный человек? О приеме в партизаны объявлений не развешивалось. К тому же далеко не каждый был в состоянии воевать. Зато все как один хотели есть. Так скрипач Гуткевич и попал в технические руководители типографии. Техникой он интересовался сызмальства, а вот для политики увлечение музыкой места не оставило. К содержанию прогерманской газеты Алексей отношения не имел и иметь не хотел, но о пропитании вынужден был заботиться. Несмотря на страшное время, молодой человек собрался жениться, и ничего противоестественного в таком намерении усмотреть нельзя. Готовясь к семейной жизни, он перешел в районное управление заведовать отделом питания, куда его приняли как в совершенстве владеющего немецким. Когда Советская Армия подошла к Бресту, он вместе с учреждением эвакуировался в Дрезден, так как военные нравы не предполагали снисхождения для таких, как Алексей. В Германии скиталец устроился электриком на завод, пел в хоре местной православной церкви, общался со старыми эмигрантами из России и перемещенными лицами. Среди них он особенно хорошо запомнил филолога-пушкиниста Немировича-Данченко, младшего родственника руководителя знаменитого театра, который замечательно читал на память «Евгения Онегина». Правда, проявил он себя перед Алексеем не на литературном концерте, а в «телячьем вагоне», шедшем на восток.

ТАКОВА была общая участь всего дрезденского окружения музыканта из Белостока. И сам он не стал исключением. Поначалу арестант даже удостоился предложения работать переводчиком на допросах, но отказался и тем самым поторопил свою судьбу.

ЭТАП - и в летней одежде Гуткевич очутился за Полярным кругом, в поселке Хановой, что в переводе с языка коми означает «царь ветров». В этом проклятом Богом месте сходятся ветры из Азии и с Северного Ледовитого океана. Снег здесь сбивался так, что поезда не раз сходили с рельсов. Тогда эзков выгоняли устранять аварию. Старожилы говорили, что под каждой шпалой лежат два-три трупа. Хозяйничали в лагере блатные. Гуткевичу повезло: он заболел двусторонней пневмонией, попал из кромешного ада в больницу и познакомился там с ростовским врачом Алексеем Павловичем Пакком, учеником знаменитого хирурга профессора Богораза, который сам ампутировал себе ногу. Пак был любителем классики и, узнав о прежней жизни больного, попросил его что-нибудь сыграть на скрипке. Часа через два эзк под номером Е-771 смог это сделать, да так, что Пак пришел в восхищение и предложил себя в ученики. В лагерях врачи из заключенных жили много лучше массы солдагеров, и новое знакомство оказалось для Алексея чрезвычайно полезным. Помогло и то, что, учась в Варшавском университете, он изучал не только языки и теологию, но и медицину.

Последний предмет, хотя и был факультативным, очень пригодился в зэковской жизни. Пак принял музыканта в штат больницы.

ПЕРВЫМ подопечным у новичка стал юноша лет 18-19 с гнойным плевритом, гиповитаминозом и полным истощением. Гуткевич выходил его и получил место санинспектора. Это обещало реальные шансы выжить. Итак, приобщение к медицине состоялось. Но лагерная одиссея только началась: из Хановоя Гуткевич попал в транзитный лагерь на Печоре, потом во внутреннюю тюрьму в Сыктывкаре, где после следствия получил 10 лет плюс 5 поражения в правах, причем умудрился на суде поправить прокурора и настоять, чтобы его срок отсчитывался не со дня суда, а с момента ареста. Далее биография Гуткевича «обогатилась» работой на лесозаготовках в поселке железнодорожном, близ Княж-Погоста, в системе Севжелдорлага. И снова пришла удача - на этот раз в образе «кзвэжэдинца - Нарухимовича, уже отбывшего срок, но оставленного в ссылке. Нарухимович руководил театрално-эстрадным коллективом из заключенных. Хотя художественная самодеятельность в лагерях имела налет ханжеской показухи, эта показуха спасла жизнь многим талантливым людям. Таких в ГУЛАГе всегда хватало с избытком. В сталинском СССР яркие личности были опасно заметны на общем сером фоне казармы, который неизбежен в условиях деспотии. И это нередко приводило к аресту неординарной фигуры.

ВЫСТУПАЛИ подневольные артисты главным образом для потехи лагерной администрации, хотя их зрителями были и измученные товарищи по зэковской доле. В местной самодеятельности открывалась вакансия, так как на пороге освобождения был скрипач, бывший артист Одесской филармонии. Нарухимович помог Гуткевичу купить скрипку. Для этого Алексей некоторое время экономил на своем пайке, накопил еды и выменял на нее желанный инструмент. Пришлось туго, но выхода не было. За два дня он восстановил несколько вещей, но Нарухимович не дослушал и первой. Так Гуткевич попал в оркестр из 8-9 человек, которым руководил грек Диониди, хороший пианист. Музыканты с номерами на одежде ездили по лагерям от Печоры до Вельска через Котлас и давали концерты. Но, как говорится, недолго музыка играла.

В 1947 году Гуткевича вызвали на этап. Отправляли только 58-ю статью. Зеков привезли в город Инту и начали процедуру приёмки. Когда забирали вещи, то, вопреки правилам, расписок не выдавали. Прокурор пояснил: «Вам они уже не понадобятся». Предчувствия у «контриков» были тяжелые. Их усугублял необыкновенно строгий режим. Так рождалась система особых лагерей-мест сосредоточения политзаключенных. Через пару месяцев начались послабления. Разрешили самодеятельность, и в лагере, который существовал при угольных шахтах, опять нашлись прекрасные музыканты, например дирижер из Ленинграда Петров. Потом с этапом пришел бывший директор Минской радиостудии, пианист и дирижер Николай Порфирьевич Клаус, получивший 25 лет за то, что якобы работал в немецких концертных бригадах. Сюда же попал кинорежиссер Алексей Каплер, создатель ярких и лживых картин «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году». Он загремел за непозволительный роман с шестнадцатилетней доверью Сталина Светланой. Каплер и указал Гуткевичу на заключенную испанку, которая раньше была певицей и первой женой всемирно известного композитора Сергея Прокофьева. «Сидел» в лагере и бывший кремлевский врач. Правда, за решетку ухо-горло-нос Палачек угодил задолго до известного дела «отравителей», но почестей удостоился пышных. Его допрашивал сам Берия, который повыбивал подследственному все зубы специальным приспособлением: трубкой с вделанным шариком на пружине. Уже в лагере Палачеку сделали протезы.

НА НОВОМ месте Гуткевич устроился медиком. Он вел истории болезни, ассистировал на операциях, был наркотизатором, выполнял функции

операционной сестры. Ему доверяли самостоятельно делать мелкие операции, на нем «висел» весь инструментарий. Днями и ночами Алексей Петрович сидел над специальной литературой. Однажды начальник санчасти отпустила своего подчиненного в аптеку - надо было подменить больного работника. Тогда и произошла встреча, перевернувшая его жизнь. В сердце заключенного вошла Татьяна Петровна, зав. аптекой, по званию лейтенант. Погоны молоденькая выпускница мединститута надела, когда распределилась в систему МВД. Чувство было взаимным. На последнем году срока Алексей Петрович пошел работать зольщиком, чтобы ускорить свое освобождение: к зольщикам, в отличие от врачей, применялись зачеты по принципу «год за три».

ТАК И СЛУЧИЛОСЬ. Влюбленный узник вышел на волю раньше срока и тут же расписался со своей бывшей начальницей. Алексей Петрович вспоминает, что на жену «взъелись по партийной линии», но отстали, потому что, как ни удивительно, но в 1955-м нашего лагерника официально признали невиновным. После этого его брак уже не выглядел таким вызывающим. «Покривились, и ничего», - заключил Гуткевич. Правда, погоны его избранница сняла и продолжала работать на прежнем месте как вольнонаемная. А молодой муж пошел зарабатывать хлеб на шахту электрослесарем. Потом освободились врачи, под началом которых работал Алексей Петрович, и снова взяли его к себе. В Инте он работал на «Скорой помощи», ходил на ответственные вызовы по жалобам и в криминальных случаях. Потом закончил заочно фельдшерскую школу и вступил в диковинную должность и .о. врача. И так на всю жизнь.

ГУТКЕВИЧ оставался самим собой. Он вел кино- и фотостудию, получил диплом 1 степени за фотоработы, списался с «польской» родней и томскими родственниками, которых до этого не знал. Новое знакомство состоялось, и после выхода на пенсию в 1972-м Алексей Гуткевич с супругой переехали в Томск, где и живут ныне. Музыку он теперь только слушает. Скрипки у него нет. «Хороший инструмент остался в Дрездене и я не знаю, что с ним»- закончил свой рассказ человек с тяжелой трагической судьбой. Много в ней не сбылось, но Алексею Петровичу не надо стыдиться за прожитые годы. Недавно он получил удостоверение реабилитированного. Жаль, что это произошло так поздно.

«Народная Трибуна». 24. 07. 1993 г.